

Александр Восьмой

**СКАЗКА Капитан Кракен
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

**СКАЗКА Капитан
Кракен (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

СКАЗКА Капитан Кракен (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Капитан Кракен — самый грозный пират на семи морях и он до дрожи боится воды. Его команда об этом не знает, поэтому Кракен придумывает хитроумные планы, чтобы никогда не намочить сапоги: он командует с палубы, но не спускается в шлюпку, и даже чай пьёт так, чтобы ни капля не попала на руки. Однажды его корабль попадает в шторм, и Кракену приходится столкнуться со своим страхом лицом к лицу, чтобы спасти команду. История о том, что даже самые смелые могут чего-то бояться, и что настоящая храбрость — признать свой страх и действовать.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

СКАЗКА Капитан

Кракен (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Самый грозный капитан на семи морях»

Паруса «Грозового кальмара» реяли над волнами, словно чёрные крылья гигантской птицы. Корабль капитана Кракена знали на всех семи морях — и при одном упоминании этого имени даже самые отчаянные морские волки невольно сглатывали и оглядывались, не подкрадывается ли тень пиратского судна из-за горизонта.

Капитан Кракен стоял на капитанском мостике, прямой, как штык, в своём неизменном чёрном плаще с алой подкладкой. На голове красовалась треуголка с пером, которое, по слухам, было вырвано из крыла самой морской бури. В одном глазу поблескивал золотой монокль, а на поясе висел тяжёлый кортик с рукоятью, украшенной жемчужинами. Но самым грозным в нём было не оружие и не наряд — а взгляд. Стоило Кракену посмотреть на кого-то в упор, и даже самый дерзкий матрос тут же вспоминал, что у него есть срочное дело где-нибудь в самом дальнем углу палубы.

— Лево руля! — рявкнул Кракен, и голос его прокатился над палубой, как раскат грома.

Матросы метнулись исполнять приказ. Всё на корабле работало как часы: каждый знал своё место, каждый понимал, что дисциплина — это не просто слово, а закон, который спасает жизни в бью. И главным хранителем этого закона был капитан.

Он никогда не кричал без причины. Никогда не наказывал несправедливо. Но если кто-то осмеливался ослушаться — о, тогда лучше было оказаться на дне моря, чем встретиться с его гневом. По крайней мере, так шептались в кубрике новички, пока бывалые моряки лишь усмехались в усы: «Капитан справедлив. Главное — не подводить его».

Команда обожала Кракена. Не из страха — хотя страха хватало, — а из уважения. Он знал каждый узел на своём корабле, каждую трещину в досках, каждый порыв ветра, который мог принести беду. Он мог по запаху воздуха сказать, когда начнётся шторм, и по крику чайки — где прячется вражеский фрегат.

Но была одна вещь, о которой никто не догадывался. Одна маленькая, почти незаметная деталь, прятавшаяся в тени его грозной репутации.

Когда особенно высокая волна подкатывала к самому борту, когда брызги летели через палубу, словно серебряные стрелы, капитан Кракен... замирал.

Всего на мгновение. Так, что, если не стоять рядом и не смотреть очень внимательно, можно было и не заметить. Его пальцы крепче сжимали поручень, костяшки белели, а в глазах на долю секунды мелькало что-то, чего там быть не должно было у самого бесстрашного пирата семи морей.

Страх.

А потом он встряхивался, будто отгоняя наваждение, и снова становился тем самым Кракеном — железным, непоколебимым, грозным.

— Не зевать! — рявкнул он, когда очередная волна окатила палубу.

Матросы бросились вычерпывать воду, не подозревая, что их капитан едва сдерживает дрожь, глядя, как потоки солёной воды стекают по доскам.

Кракен отступил на шаг от края мостика. Ещё на один. И ещё. Пока не оказался в самом центре палубы, где вода точно не достанет до его сапог.

Сапог, которые он начищал до зеркального блеска каждое утро. Сапог, которые никогда не знали морской воды.

Никто не заметил этого манёвра. Никто не задумался, почему капитан всегда выбирает именно эту точку на палубе. Для команды он был воплощением бесстрашия. Легендой. Тем, кто не боится ничего на свете.

И Кракен старательно поддерживал эту легенду. Потому что знал: если правда всплывёт, если команда узнает, что их грозный капитан до дрожи боится воды... что тогда останется от его авторитета? От их веры в него?

Поэтому он прятал свой страх за суровыми приказами, за стальным взглядом, за репутацией самого грозного пирата на семи морях.

А море, будто насмехаясь, продолжало шептать у бортов, перекачивая волны и разбрасывая брызги, словно проверяя, сколько ещё Кракен сможет держаться на сухой стороне своей жизни.

Но пока он держался. И пока команда верила в него, этого было достаточно.

На горизонте темнел силуэт другого корабля. Чужого. Враждебного.

Кракен прищурился, и в его глазах вспыхнул знакомый всем огонёк — огонёк охоты.

— Приготовиться к сближению! — прогремел его голос.

Палуба ожила: матросы бегали, проверяли пушки, натягивали верёвки. Сердце каждого билось в такт барабану, который отбивал ритм атаки.

Только Кракен не спускался с мостика. Он никогда не спускался, когда дело доходило до ближнего боя. Он командовал сверху, оттуда, где было сухо и безопасно.

«Так надёжнее», — говорил он себе.

И никто не спорил. Потому что пока «Грозовой кальмар» побеждал в каждом сражении, никому не было дела до того, где стоит капитан. Главное, что он ведёт их вперёд.

Волна снова ударила в борт, и брызги долетели почти до ног Кракена. Он едва заметно отступил, но тут же выпрямился, расправил плечи и посмотрел вдаль, туда, где ждал враг.

Сегодня снова будет победа. Сегодня снова все будут говорить о храбрости капитана Кракена.

И никто, ни единая душа на корабле, не узнает, чего стоит ему каждый раз стоять у края палубы и смотреть в лицо морю, которое он так отчаянно боится.

Глава 2. «Секрет мокрых сапог»

Утро на «Грозном кальмаре» начиналось не с крика петуха — его на корабле и быть не могло, — а с тяжёлого, уверенного шага капитана Кракена. Он выходил на палубу ровно в тот миг, когда первые лучи солнца золотили верхушки мачт, и первым делом бросал внимательный взгляд на свои сапоги.

Они сверкали. Так, будто в их полированной коже отражалось само море — но только отражало, не проникая внутрь. Кракен начищал их каждый вечер до зеркального блеска, а утром проверял каждую царапину, каждую пылинку. Для команды это было знаком: если сапоги капитана сияют, значит, день будет удачным. Никто не догадывался, что для самого Кракена эти сапоги были чем-то вроде доспехов — последней линией обороны между ним и той стихией, которой он боялся больше всего.

— Боцман, проверить такелаж! Юнга, принеси карту! — раздавал он приказы, стоя строго в центре палубы, там, где доски всегда оставались сухими, даже после самого яростного шторма.

Это место Кракен выбрал не случайно. За годы плаваний он изучил «Грозовой кальмар» лучше, чем собственный карман. Он знал, где палуба чуть проседает и скапливается вода, где брызги летят дальше всего, а где ветер сдувает капли, не давая им осесть. И он выстроил вокруг этих знаний целую систему хитростей — тонкую, незаметную, но безупречно работающую.

Например, шлюпки. По уставу капитан должен был лично проверять их готовность, спускаться к воде, ощупывать вёсла, смотреть, не рассохлись ли борта. Но у Кракена на этот счёт

имелся особый приказ: «Шлюпки осматривает первый помощник. Капитан контролирует с мостика». Звучало логично: зачем капитану мокнуть, если для этого есть специально обученные люди? Команда кивала: «Мудро. Экономят силы командира». А Кракен лишь плотнее сжимал губы, пряча облегчение.

Или маршруты. Если нужно было подойти к берегу, Кракен всегда выбирал места с высоким причалом, где можно было сойти на сушу, не касаясь воды даже краем сапога. Если причала не было — он придумывал причину не сходить на берег вовсе: «Я нужен здесь, чтобы охранять корабль». И команда снова соглашалась: «Наш капитан — настоящий страж!»

Но, пожалуй, самым изощрённым из всех его секретов был способ пить чай.

Каждое утро кок приносил Кракену кружку горячего чая с каплей рома — по старинному морскому обычаю. И каждый раз капитан принимал её так, словно это был не чай, а хрупкое сокровище, способное рассыпаться от одного неловкого движения. Он держал кружку двумя руками, слегка наклоняя её от себя, чтобы, если вдруг прольётся, капли упали на палубу, а не на него. Он делал маленькие, аккуратные глотки, не отрывая взгляда от горизонта, будто в этом чае была зашифрована карта всех морей.

Однажды юнга по имени Тимми, самый любопытный и наблюдательный на корабле, стоял неподалёку и смотрел, как капитан пьёт чай. Тимми тогда подумал: «Вот это выдержка! Даже чай пьёт, как будто ведёт корабль сквозь шторм!» Он и представить не мог, что Кракен в этот момент мысленно отсчитывает секунды, чтобы не дрогнула рука, чтобы ни одна капля не коснулась его кожи.

А потом был случай с ведром воды.

Один из матросов, не заметив, как близко подошёл к капитану, случайно задел ведро, и вода выплеснулась широкой дугой прямо в сторону Кракена. На долю секунды время будто остановилось. Кракен замер, его пальцы впились в поручень, а глаза расширились — но не от гнева, а от ужаса. И тут же он взял себя в руки.

— Эй, ты что творишь?! — рявкнул он так грозно, что матрос побледнел и чуть не свалился за борт от испуга.

— Простите, капитан! Я не хотел! Сейчас всё вытру!

Кракен сделал шаг назад, туда, где было сухо, и холодно кивнул:

— Смотри в оба. На мокром палуба скользкая. Нам тут падения не нужны.

Матрос бросился вытирать воду, бормоча извинения, а команда переглянулась: «Вот видите, какой у нас капитан — даже про скользкую палубу думает!»

А Кракен стоял, чувствуя, как бешено колотится сердце, и повторял про себя: «Спокойно. Всё под контролем. Никто ничего не заметил».

И правда, никто не заметил. Для всех он был по-прежнему тем самым Кракеном — железным, бесстрашным, тем, кто не боится ни шторма, ни врага, ни самой смерти.

Только море знало правду. Оно шептало у бортов, перекачивало волны и будто смеялось тихо, по-своему: «Ты думаешь, ты спрятался за своими хитростями? Думаешь, твои сапоги — это броня? Рано или поздно вода найдёт путь».

Но Кракен не хотел об этом думать. Он предпочитал верить, что его система идеальна. Что если он будет достаточно осторожен, достаточно хитёр, достаточно грозен, чтобы никто не задавал лишних вопросов, — то ему никогда не придётся столкнуться со своим страхом лицом к лицу.

Он снова окинул взглядом палубу, проверил, на месте ли все, убедился, что нигде не скопилась лишняя вода, и удовлетворённо кивнул.

День шёл своим чередом. Паруса ловили ветер, волны бились о борт, а «Грозовой кальмар» мчался вперёд, ведомый самым грозным капитаном на семи морях.

Который просто очень не хотел намочить сапоги.

Глава 3. «Карта затерянного острова»

День выдался на редкость спокойным. Море лежало перед «Грозовым кальмаром» широкой синей скатертью, и даже волны будто старались не шуметь, чтобы не потревожить важный ход мыслей капитана. Кракен стоял на мостике, привычно держась подальше от края, и вглядывался в горизонт, где небо обнимало воду тонкой серебристой линией.

Вдруг раздался торопливый топот, и на палубу вылетел юнга Тимми, едва не поскользнувшись на свежевывмытых досках. В руках он сжимал свёрнутый в тугой рулон кусок пожелтевшей от времени ткани.

— Капитан! Капитан! Посмотрите, что я нашёл! — выкрикнул Тимми, запыхавшись, и протянул находку Кракену.

Капитан нахмурился, но любопытство взяло верх над строгостью. Он осторожно взял рулон, развернул его, и по мере того, как ткань расправлялась, его глаза всё больше округлялись.

Это была карта. Старинная, с потрёпанными краями, испещрённая замысловатыми пометками, полустёртыми линиями и загадочными символами. По углам её украшали изображения морских чудовищ, а в центре, там, где обычно ставят крест, красовалась крупная метка: «Сокровище капитана Морского Ветра».

— Откуда это у тебя? — спросил Кракен, стараясь говорить спокойно, хотя внутри у него всё пело от предвкушения.

— В трюме, в старом сундуке, который мы перетаскивали! Там ещё куча всяких бумаг, но эта лежала сверху, будто ждала, когда её найдут!

Кракен провёл пальцем по выцветшим линиям, ощущая под подушечками шероховатость старой бумаги. На карте был изображён затерянный остров, о котором ходили легенды среди пиратов: говорили, что там спрятано сокровище, способное сделать любого капитана самым богатым и знаменитым на всех семи морях.

— Это же... это же карта к острову Безмолвных Чаек! — прошептал первый помощник, заглянув через плечо капитана. Его голос дрожал от волнения.

Команда, почувствовав неладное, начала собираться вокруг, вытягивая шеи и перешёптываясь.

— Сокровище... Настоящее сокровище...

— Говорят, там сундуки с золотыми монетами и драгоценными камнями...

— А ещё говорят, что остров охраняют призраки прежних владельцев...

Кракен поднял руку, и шёпот тут же стих.

— Мы идём туда, — объявил он твёрдо, и в его голосе зазвучала та самая сталь, которая заставляла даже самых упрямых матросов подчиняться без лишних слов.

По палубе прокатился восторженный гул. Матросы хлопали друг друга по плечам, кто-то даже пустился в пляс, забыв про дисциплину. Но Кракен не улыбался. Он снова склонился над картой, изучая каждый завиток, каждую строчку.

И вот тогда он увидел.

В самом низу, почти у края, где чернила выцвели до едва различимого серого, была сделана короткая, но зловеющая пометка: *«Путь лежит через бурные воды»*.

Сердце Кракена ёкнуло, а пальцы невольно сжались, сминая тонкий край карты. «Бурные воды»... Это означало волны, которые вздымаются выше мачт, брызги, летящие во все стороны, и воду, которая не спрашивает, хочешь ли ты с ней встретиться.

Но команда смотрела на него с таким восхищением, с такой верой, что Кракен не мог позволить себе показать хоть тень сомнения.

Он медленно выдохнул, расправил плечи и снова поднял голову.

— Бурные воды нас не остановят, — произнёс он громко и уверенно, будто сам себе приказывал верить в эти слова. — «Грозовой кальмар» создан для штормов. Мы пройдем сквозь любые волны, потому что мы — пираты!

Команда взорвалась криками одобрения. Кто-то закричал «Ура!», кто-то ударил в барабан, и палуба снова оживила в предвкушении великого приключения.

А Кракен тем временем аккуратно свернул карту и спрятал её в потайной карман своего плаща. Его пальцы слегка дрожали, но никто этого не заметил.

Весь остаток дня на корабле царила небывалая суета. Матросы проверяли снасти, пересчитывали запасы, начищали пушки до зеркального блеска. Каждый хотел быть готовым к тому моменту, когда «Грозовой кальмар» бросит якорь у берегов легендарного острова.

Тимми подбежал к капитану, сияя от счастья:

— Капитан, а вы расскажете нам, как будете делить сокровище?

Кракен на мгновение замер, подбирая слова.

— Сначала надо до него добраться, — ответил он сдержанно, но в глазах у него мелькнул огонёк азарта. — А когда доберёмся, каждый получит свою долю. Но главное — не золото. Главное — слава. Представьте: все пираты на семи морях будут говорить: «Это команда капитана Кракена! Те самые, что прошли через бурные воды и нашли сокровище капитана Морского Ветра!»

Тимми восторженно закивал, а потом вдруг спросил:

— А правда, что в бурных водах живут гигантские кальмары?

Кракен чуть не вздрогнул при слове «кальмар», но тут же взял себя в руки.

— Если и живут, то мы им покажем, кто здесь хозяин, — усмехнулся он, стараясь, чтобы голос звучал как можно твёрже.

Вечером, когда солнце опустилось к горизонту, окрасив небо в алые и золотые тона, Кракен остался один на мостике. Он снова достал карту, развернул её и долго смотрел на ту самую строчку: *«Путь лежит через бурные воды»*.

Море вокруг становилось темнее, и волны уже не казались такими безобидными. Они перекачивались, шептали что-то своё, непонятное, и Кракену вдруг показалось, что они смеются над ним.

«Я справлюсь, — повторял он про себя, стискивая кулаки. — Я капитан. Я веду корабль. Вода не решит за меня, куда нам плыть».

Он снова свернул карту, спрятал её и окинул взглядом свой корабль. Паруса были готовы, команда полна энтузиазма, а впереди их ждало приключение, которое войдёт в легенды.

Пусть путь и лежал через бурные воды.

Пусть страх сжимал сердце ледяными пальцами.

Капитан Кракен не отступит. Он должен вести свою команду вперёд — даже если для этого придётся смотреть в лицо своему самому большому страху.

И он смотрел в темноту моря, туда, где завтра их будут ждать волны, и шептал, словно бросая вызов самой стихии:

— Мы пройдем. Обязательно пройдем.

Глава 4. «Команда мечты»

На «Грозовом кальмаре» не было случайных людей. Каждый член экипажа попал на корабль не просто так, а по воле судьбы, случая или собственного упрямства — и каждый стал незаменимой частью единого механизма, который нёс судно сквозь штормы и победы.

Капитан Кракен знал это лучше всех. Он подбирал людей не по свирепости взгляда и не по количеству шрамов, а по тому, как они держатся в бурю — и как смотрят на него, когда буря уже позади.

Первым, кого стоило упомянуть, был **первый помощник Барнаби**. Высокий, жилистый, с лицом, выдубленным ветрами до цвета старого дуба, он был правой рукой Кракена. Барнаби никогда не спорил с капитаном, но умел так тихо покачать головой, что Кракен сразу понимал: идея не самая удачная. У Барнаби была привычка поправлять шляпу ровно три раза перед тем, как отдать приказ, — будто этим жестом он собирал мысли в кучу. И ещё он всегда помнил, где на палубе самые скользкие доски, и незаметно отводил людей в сторону. Кракен ценил это. Особенно потому, что сам старался держаться подальше от тех самых скользких мест.

— Сегодня проверим канаты у левого борта, — говорил Барнаби, и Кракен кивал, зная, что левый борт сейчас суше.

— Отличная мысль, Барнаби. Пусть матросы будут заняты делом.

Никто не замечал, что маршрут осмотра всегда обходил самые мокрые участки палубы. Все видели только, как слаженно работает команда.

Штурман Феликс был полной противоположностью Барнаби: невысокий, юркий, с вечно растрёпанными волосами, которые, казалось, жили своей жизнью, независимо от ветра. Он знал звёзды лучше, чем собственные карманы, и мог проложить курс даже по отражению луны в воде. У Феликса была забавная привычка шептать названия ветров, будто уговаривая их дуть в нужную сторону:

— Ну-ка, Зефирка, помоги нам сегодня... Да-да, ты, ветерок с юга...

Кракен улыбался, слыша это, но никогда не смеялся вслух. Он доверял чутью Феликса безоговорочно. А ещё штурман обожал карты — и, когда Тимми принёс ту самую карту затерянного острова, именно Феликс первым разложил её на столе в капитанской каюте и провёл пальцем по маршруту, бормоча:

— Через бурные воды... Хм... Но если взять чуть севернее, можно поймать попутное течение. Волны будут, конечно, но мы их обогнём по дуге.

Кракен тогда едва заметно выдохнул. «Обогнём... Значит, не прямо сквозь волны». Он кивнул, стараясь выглядеть уверенным:

— Делай, как считаешь нужным, Феликс. Твой курс — наш закон.

Феликс просиял. Для него не было большей похвалы.

Кок Руфус был человеком, который мог приготовить обед из трёх сухарей, горсти соли и одной луковицы — и сделать так, что команда будет просить добавки. Его камбуз был священным местом: туда не ступала нога капитана без приглашения, и даже самые отчаянные матросы не смели ворчать на еду. Руфус носил фартук, забрызганный соусом всех цветов радуги, и всегда держал под рукой деревянную ложку, которой мог и помешивать суп, и указать матросу, куда идти.

У него была своя маленькая хитрость: он знал, что капитан любит чай с каплей рома, и подавал его ровно в десять утра, в одной и той же кружке с отбитой ручкой. И подавал так, чтобы Кракену не пришлось тянуться через мокрый участок палубы — Руфус сам подходил к капитану, держа кружку обеими руками, будто нёс не чай, а королевскую корону.

Однажды Тимми спросил его:

— А почему ты всегдаходишь к капитану сам?

Руфус подмигнул:

— Потому что хороший кок знает: сытый капитан — счастливый корабль. А ещё... — он понизил голос, — я заметил, что наш Кракен не очень любит, когда брызги летят во все стороны. Так пусть хоть чай будет сухим.

Тимми тогда не понял до конца, но запомнил.

И, наконец, **юнга Тимми**. Самый молодой, самый любопытный, самый неугомонный. Он вечно путался под ногами, но при этом успевал заметить то, что упускали остальные: порванный канат, скрипящую доску, чайку, летящую не туда. Тимми боготворил капитана. Для него Кракен был воплощением всего, чем должен быть настоящий пират: грозным, справедливым, бесстрашным.

У Тимми была привычка записывать всё в маленький блокнот, который он прятал за голенищем сапога. Там были зарисовки чаек, списки штормов, названия ветров и даже попытки нарисовать карту сокровищ. Он верил, что однажды станет таким же великим капитаном, как Кракен.

И сегодня он бегал по палубе, повторяя про себя:

— Сокровище... Остров... Бурные воды... Надо запомнить всё, чтобы потом рассказать внукам!

Он подбежал к Кракену, чуть не поскользнувшись на влажной доске, но тут же был подхвачен крепкой рукой Барнаби.

— Эй, не торопись! Палуба после утреннего дождя ещё скользкая.

Тимми покраснел от смущения, но тут же снова загорелся:

— Простите, сэр! Я просто... я хочу быть полезным!

Кракен посмотрел на него и вдруг улыбнулся — редко, но так тепло, что у Тимми сердце подпрыгнуло до самого горла.

— Ты и так полезен, Тимми. Сегодня будешь следить за парусами. Если увидишь, что ветер меняется, — сразу ко мне. Договорились?

— Да, сэр! Клянусь, не пропущу ни одного порыва!

Тимми умчался, а Кракен ещё секунду смотрел ему вслед. В этом мальчишке было столько веры — в него, в корабль, в приключение. И Кракену хотелось быть достойным этой веры.

Весь день «Грозовой кальмар» жил своей обычной жизнью, но с особым предвкушением. Паруса ловили ветер, канаты пели под натяжением, а команда работала так слаженно, будто каждый знал свою роль в великой симфонии моря.

Барнаби проверял узлы, Феликс сверял курс, Руфус готовил ужин, от запаха которого у всех текли слюнки, а Тимми носился туда-сюда, стараясь успеть везде.

А Кракен наблюдал за всем этим с мостика. Он не спускался вниз, не подходил к борту, где волны игриво хлопали по обшивке корабля, разбрасывая брызги. Он стоял там, где было сухо, где доски не скрипели от влаги, где он мог видеть всю команду сразу.

И незаметно, почти неощутимо, он подстраивал всё так, чтобы его страх оставался тайной.

Когда нужно было осмотреть правый борт, он говорил:

— Барнаби, пусть матросы начнут с левого. Там, кажется, канат ослаб.

Когда ветер менялся и брызги летели на корму, он приказывал:

— Феликс, держи курс чуть восточнее. Хочу проверить, нет ли там вражеских судов.

Когда Руфус предлагал принести чай прямо на мостик, Кракен кивал:

— Спасибо, Руфус. Сегодня ветер слишком резкий. Не хочу, чтобы кто-то поскользнулся.

Команда кивала, соглашалась, выполняла. Никто не видел в этом ничего странного. Для них это были просто распоряжения опытного капитана, который знает, как лучше.

Только море знало правду. Оно шептало у бортов, перекачивало волны и будто улыбалось своей солёной улыбкой: «Ты думаешь, ты всех обманул? Думаешь, твои хитрости спасут тебя от меня?»

Но Кракен не слушал. Он смотрел на свою команду — на Барнаби, который уверенно отдавал приказы; на Феликса, который склонился над картой, бормоча что-то про течения; на Руфуса, который высунул голову из камбуза и крикнул: «Ужин через полчаса!»; на Тимми, который махал ему с мачты, сияя от счастья.

Это была его команда. Его семья. Его опора.

И ради них он был готов на всё — даже если для этого придётся снова и снова прятать свой страх за суровыми приказами и уверенными взглядами.

Потому что настоящая сила капитана не в том, чтобы ничего не бояться. А в том, чтобы вести тех, кто верит в тебя, — даже если внутри всё дрожит от ужаса.

Солнце садилось, окрашивая паруса в золотой цвет, а «Грозовой кальмар» продолжал свой путь — прямо к бурым водам, к затерянному острову, к сокровищу, которое ждало их впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.